

Ф. В. НИКОЛАИ

ДВА ТЕЛА КОРОЛЯ И ДВА ЛИЦА ПРЕЗИДЕНТА ДЖ. БУША

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ
КАК ТОПОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО*

Ключевые слова: Мартин Джей, интеллектуальная история.

Мартин Джей – ученик С. Гуча, один из ведущих представителей американской интеллектуальной истории, автор дюжины блестящих монографий по истории мысли новейшего времени. Его недавно вышедшая книга – «Достоинства лицемерия: о лжи в политике», в основу которой легла серия лекций в Вирджинском университете, – была чрезвычайно высоко оценена целым рядом комментаторов. А Мегилл даже назвал ее «лучшей книгой М. Джея» (форзац). Но почему? Этот вопрос встает перед читателем уже к концу первой главы, а к концу второй начинается сильно беспокоить. Чем взвешенные и тонкие предшествующие работы историка уступают его последнему труду? В чем «Достоинства лицемерия» превосходят работы других авторов по этой проблеме? Не вызван ли интерес к заявленной теме лишь сложившейся конъюнктурой американского общественного мнения, которое периодически выступало против двуличия своих политиков (в ходе вторжения в залив Свиней, Вьетнама, Уотергейта, скандала Иран-контрас), но после прямой лжи Б. Клинтона по делу М. Левински и Дж. Буша об оружии массового уничтожения в Ираке окончательно потеряло терпение?

Первые главы, соответственно, – «О лжи» и «О политическом» – при первом прочтении предстают как несколько схематичная классификация основных интеллектуальных подходов к указанным темам, начиная с Платона и заканчивая Ф. Анкерсмитом, Ж. Рансьером и Ш. Муфф. Причем первая глава исходит из предметной классификации (ложь и природа, общество, язык, мораль), а вторая использует проблемный под-

* Рец. на: Jay M. The virtues of mendacity: on lying in politics. Charlottesville, London: University of Virginia Press, 2010. 241 p.

¹ Из наиболее известных исследований следует упомянуть хотя бы работы Х. Арендт: «Истина и политика» (1964) и «Кризисы республики: ложь в политике, гражданское неповиновение насилию, мысли о политике и революции» (1972), а также «О лести» Ж. Старобинского (1989). И это не говоря уже о менее значимых авторах, таких как Т. М. Л. Ли с его «Политикой и истиной» (1997).

ход, основанный на приравнивании отношений политики и политического к разделению онтического и онтологического у М. Хайдеггера. (Р. 79, 120). Джей рассматривает ключевые модели интерпретации политического: антагонистическую, отсылающую к известной метафоре К. фон Клаузевица и представленную, в первую очередь, работами К. Шмитта, Э. Лакло и Ш. Муфф; агонистическую или дипломатическую (Х. Плеснер); либеральную (Дж. С. Милль); элитистскую, восходящую своими корнями к Платону (Л. Штраус); республиканскую, которую Джей возводит к Н. Макиавелли (Х. Арндт); а также эстетизацию политики в духе В. Беньямина (Ф. Анкерсмит и Ж. Рансьер).

Первое, что вызывает недоумение у читателя – это крайняя схематичность описания указанных подходов, абсолютно не характерная для предшествующих работ Джей². В «Достоинствах лицемерия» автор не придает значения ни социальному, ни интеллектуальному контексту появления рассматриваемых идей. Яркие примеры, которые он приводит, больше напоминают осколки образов, хаотично сталкивающихся в движении философского калейдоскопа. Джей лишь отдельными мазками обозначает некоторые весьма любопытные, хотя и достаточно спорные мыслительные фигуры. Так, по его мнению, «фетишизм искренности» в речевом коде простых американцев и их политиков установился после победы Севера в гражданской войне, в результате которой политический южан оказался вытеснен из обихода (Р. 36–37). Топографическое противопоставление «агоры» (Белый дом, Кремль, Вестминстер, по мнению Джей, лишь замещают данный топос в современном сознании) «пространствам сопротивления» (парижским кофейням, масонским ложам, специальным местам для митингов – р. 82–83) также скорее разжигает любопытство читателя, чем доказывает что-либо.

Некоторые интерпретации кажутся спорными, а логические шаги – излишне широкими. Во всяком случае, первые главы ставят больше вопросов, чем дают ответов. Используя метафору Д. ЛаКапры, которой он охарактеризовал «Метаисторию» Х. Уайта, хочется назвать книгу Джей «великолепным барочным сооружением, ошибочно выдаваемым за систему»³.

² Сам М. Джей ранее охарактеризовал свой метод как «синоптический» – внимательное и тонкое чтение, целью которого должно стать гадамеровское «слияние горизонтов» автора и читателя. (*Jay*. 1988. Р. 52–63). Блестящими примерами такого «синоптического чтения» можно считать его исследования «Марксизм и тотальность: приключения понятия от Лукача до Хабермаса» (*Jay*. 1984) и «Потопленный взор: очернение зрения во французской мысли XX века» (*Jay*. 1994).

³ *LaCapra*. 2009. Р. 210.

Однако чтение третьей главы – «О лжи в политике» – заставляет читателя полностью пересмотреть свое прежнее скептическое отношение: здесь отдельные импрессионистские мазки и образы, наконец, соединяются в единую картину. Ключом к этой конstellляции становятся идеи лингвистического поворота, под знаменем которого и выступает новая интеллектуальная история. По мнению Джея, неидентичность, вымысел, маскарад и возможность обмана неустранимы из языка, одновременно составляя и основу перформатива в политике. Требования истины здесь всегда несбыточны⁴. *Fiction* и воображение неразрывно связаны с попытками изменить будущее: они включают мощнейший перформативный потенциал, заложенный в человеческом сознании и направленный не только на себя, но и на общество в целом (Р. 44–46).

Отметим, что воображению и его перформативному потенциалу Джей всегда придавал огромное значение⁵. Однако если раньше он был близок, скорее, к историческому подходу Ж. Старобинского с его крайне осторожным отношением к перформативу и воздействию воображаемых идеалов на человека модерна⁶, то теперь он идет гораздо даль-

⁴ Джей утверждает, что требования абсолютной истины всегда консервативны и содержат тоталитарные импликации (Р. 162), фактически повторяя утверждение П. Фейерабенда: «Демократическая оценка выше 'Истины' и мнения экспертов». *Фейерабенд*. 2010. С. 127.

⁵ Уже в своей диссертации «Диалектическое воображение: история Франкфуртской школы и института социальных исследований 1923–1950 гг.» Джей подчеркивал роль воображения как механизма трансформации индивидуальных установок и целей в коллективные: «Целью основателей ИСИ было создание сообщества исследователей, чья солидарность служила бы неким зачатком или предчувствием братского общества будущего». *Jay*. 1973. Р. 31. Отметим также, что как раз в это же время к исследованию роли поэтического воображения в историографии обращается и Х. Уайт, чья знаменитая «Метаистория» имеет подзаголовок: «Историческое воображение в XIX в.». Возможное сравнение здесь, конечно, не предполагает прямую аналогию, а свидетельствует об общем росте интереса к категории воображения и воображаемого в американской интеллектуальной истории еще в 1970-е гг. Причем эта заинтересованность имела гетерогенные истоки: эстетическую теорию Т. В. Адорно – для Джея, «Мимесис» Э. Ауэрбаха – для Х. Уайта, лакановский структурализм – для Ш. Фелман и сторонников деконструкции.

⁶ Старобинский постоянно возвращается к мысли, что у всех его героев – Корнеля, Расина, Руссо, Стендаля, Флобера – перформативный пафос и стремление к социальным преобразованиям граничат с весьма сомнительными своекорыстными целями и пронизаны определенной идеологией. На макросоциальном уровне это ведет к равенству весьма сомнительного рода: «Если все отдадут себе отчет, что имеют дело с фикцией, то обман практически исключается: все становится сообщниками и уже никто не может оказаться в положении одураченного». *Старобинский*. 2002. С. 156.

ше. Джей присоединяется к позиции Х. Арендт, в некоторых случаях оправдывающей даже прямую ложь: «Ложь – это попытка изменить суть дела, и в этом смысле она является действием... Если лжец – человек действия, то о говорящем истину мы не можем этого сказать». (Р. 161) Сама демократия рассматривается с этой точки зрения как специфический вымысел или идеализированная модель, обладающая, однако, мощным перформативным потенциалом и позволяющая людям формировать сообщество, исходя из ценностных ориентиров.

Для политической сферы важна не рациональная истина, связанная с абстрактными теориями, а истина фактическая, оперирующая фактами, мнениями и свидетельствами. Однако здесь Джей дистанцируется от Арендт. Он стремится не столько понять политический дискурс изнутри (с чисто прагматических позиций, близких самой политике), но и взглянуть на него со стороны – как на эволюцию дискурсивных позиций. Здесь, по его мнению, интеллектуальная история оказывается предельно актуальной, превращаясь в топологию политического дискурса⁷.

В этом контексте становятся понятными и провокативные сравнения Джея: они не претендуют на абстрактную рациональную истину, но призваны пробуждать воображение и проблематизировать значение (казалось бы) устоявшихся символов. Действуя эстетически, они раскрывают различие *точек зрения*. Так, говоря, что «вместо двух тел короля мы получили два лица президента, что блестяще продемонстрировал Дж. Буш...» (Р. 172), Джей ни в коем случае не утверждает некий факт, но, используя комический и провокативный⁸ эффект данной метафоры, пытается изменить мировоззрение читателя, предложив некий новый образ, оригинальный путь ассоциаций.

Книги, как и политика, не всегда констатируют истину, но и пытаются что-то преобразовать в окружающем мире. Джея интересует именно этот перформативный потенциал текста, до сих пор слабо востребованный академическим сообществом. Причем если литературная критика в рамках лингвистического поворота особое значение придает «обещанию» как спроецированной в будущее личной вовлеченности автора в высказывание⁹, то Джея интересует скорее потенциал эстети-

⁷ В этом смысле стратегия возвращения Джея к платоновскому полису скорее напоминает подход М. Фуко, чем К. Поппера.

⁸ Показательно, что во многих своих работах Джей использует эпитет «thought-provoking» (провокативный или заставляющий задуматься) как высший комплимент для текстов своих коллег и предшественников.

⁹ Блестящим примером может служить здесь работа Ш. Фелман «Скандал

ческого. В значительной степени это движение связано с наследием «Эстетической теории» Т. В. Адорно, который был одним из главных героев первых книг Джея¹⁰. Однако не менее важным оказывается для Джея и реактуализация потенциала эстетического современными французскими теоретиками во главе с Ж. Рансьером¹¹.

Таким образом, позиция Джея размещается на стыке политической теории Арендт (Р. 157–167) и эстетизации политического у Рансьера (Р. 168–174). Причем исследователь не просто стремится в герменевтическом ключе прочесть их «великие тексты», но создает некое «силовое поле»¹² – обозначает и сознательно поддерживает напряжение между указанными подходами. Именно поэтому контекст для Джея менее важен, чем выявление общей структуры политического дискурса¹³. В рамках этой концепции «силового поля» ретроспективно обретает очертания и скрытая полемическая направленность ряда предлагаемых Джеем интерпретаций. Трактовка познанской речь Гиммлера 1943 г. как «благородной лжи» в платоновском смысле (Р. 3, 182), скорее всего, направлена против ее анализа как парадигматического примера «негативного возвышенного»¹⁴. Обращение к «Исповеди» Руссо (Р. 60–63), Джей активно полемизирует с ее деконструктивистским прочтением Деррида, де Мана и Фелман¹⁵, скорее возвращаясь к трактовке Старобинского.

С другой стороны, несмотря на эти тактические разногласия, в стратегическом отношении подход Джея во многом совпадает с пове-

говорящего тела», на основе остиновской теории перформатива противопоставляющая два дискурсивных режима: режим «обещания» или «клятвы» Дон Жуана и режим «Божественной истинности» остального общества. *Felman*. 2002. Р. 6–9.

¹⁰ См. в частности: *Jay*. 1984.

¹¹ *Рансьер*. 2006.

¹² Метафору «силового поля» (Kraftfeld) Джей заимствует у Адорно и Беньямина, превращая ее в устойчивое понятие. В интерпретации Джея «силовое поле» охватывает не только отношения идей между собой (как у Беньямина) или связь фактов и социальной тотальности (как у Адорно), но скорее сам процесс чтения. Возникающее при этом напряжение не снимается герменевтическим «слиянием горизонтов» Х. Г. Гадамера или предлагаемой Д. ЛаКапра моделью диалога, основанного на эмпатии. Между поляризованными силами идет постоянная борьба, которая никогда не заканчивается устойчивым синтезом. *Jay*. 1993. Р. 9.

¹³ Подобная мета-позиция, существенно отличающаяся от «синоптического» метода предшествующих работ Джея, скорее всего и вызвала интерес А. Мегилла.

¹⁴ *LaCapra*. 1994. Р. 14–15, 106; *LaCapra*. 1998. Р. 3.

¹⁵ Добавим, что у Ш. Фелман «Исповедь» Руссо становится скорее полигоном для соединения идей де Мана, Ж. Лакана и ее собственной концепции «свидетельских показаний» (testimony). *Felman, Laub*. 1992. Р. 140–151.

шенным вниманием в современной интеллектуальной истории к границам, порогам и пределам¹⁶. Этой проблеме – «границам политического и пределам лицемерия» – посвящен и последний раздел «Достоинств лицемерия», который можно считать авторским заключением. Джей высказывается в пользу диалога между лингвистическим, этическим и эстетическим поворотами. Теоретические установки данных течений необходимо использовать ситуативно и корректировать, осознавая их пределы и границы. Не стоит рассматривать все многообразие социальных и интеллектуальных феноменов через одну концептуальную призму, отрываясь при этом от реальности. Ни академические исследования, ни философия, ни политическая практика не должны, по мнению Джея, превращаться в утопию, претендующую на монопольные отношения с истиной. Важно именно определить границы и проработать механизмы взаимодействия между различными социальными и культурными практиками. Особое значение при этом Джей придает трем ключевым институтам: свободной прессе, независимой судебной власти и академической культуре (Р. 177). Вслед за Ю. Хабермасом, исследователь считает их основными посредниками в мобилизации общественного мнения и использовании перформативных возможностей языка.

В завершение следует добавить, что критика М. Джем генерализаций в сфере политической философии, а также в истории внутренней и внешней политики актуальна не только для классических историков, политологов, международников и представителей социальной философии, все еще испытывающих дефицит в работоспособных теориях «среднего уровня». Особое значение она имеет для исследователей историографии и методологии истории, поскольку, во-первых, существенно расширяет поле исследования, обращаясь к лингвистической философии и политическому дискурсу (но, естественно, не претендуя на их подчинение). Речь идет об истории мысли, которая видится Джемю шире, чем история философии и глубже, чем история ментальности или социальная история. А во-вторых, обращение Джея к возможностям перформатива представляется крайне актуальным именно как поиск взаимосвязи субъективного воздействия текста на читателя, стратегий мобилизации академического сообщества и демократических ценностей.

¹⁶ Для многих исследователей стимулом к разработке данной проблематики стала организованная С. Фридландером в 1989 г. конференция «Исследуя пределы репрезентации». (Probing the limits of representation. 1992) Из последних работ, посвященных этой проблеме, стоит упомянуть монографии Д. ЛаКапра, Э. Сантнера и Ш. Фелман (*LaCapra*. 2009; *Zizek, Santner, Reinhard*. 2006; *Felman*. 2002).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Рансьер Ж.* На краю политического / Пер. Б. Скуратова. М.: Практикс. 2006. 240 с.
- Старобинский Ж.* Поэзия и знание: история литературы и культуры. Т. 1. / Пер. С. Н. Зенкина. М.: Языки славянской культуры, 2002. 496 с.
- Фейерабенд П.* Наука в свободном обществе / Пер. А. Л. Никифорова. М.: АСТ, 2010. 378 с.
- Felman S., Laub D.* Testimony: crises of witnessing in literature psychoanalysis and history. N. Y.: Routledge, 1992. 290 p.
- Felman S.* The scandal of the speaking body: Don Juan with J. L. Austin, or seduction in two languages. Stanford: Stanford University Press, 2002. 144 p.
- Felman S.* The juridical unconscious: trials and traumas in the twentieth century. Cambridge, London: Harvard University Press, 2002. 253 p.
- Jay M.* Adorno. Cambridge, London: Harvard University Press: 1984. 199 p.
- Jay M.* Downcast eyes: the denigration of vision in twentieth-century French thought. University of California Press, 1994. 634 p.
- Jay M.* Fin-de-siècle socialism and other essays. N.Y.: Routledge, 1988. 216 p.
- Jay M.* Force fields: between intellectual history and cultural criticism. Routledge, 1993. 233 p.
- Jay M.* Marxism and totality: the adventures of a concept from Lukács to Habermas. University of California Press, 1984. 565 p.
- Jay M.* The dialectical imagination: a history of the Frankfurt school and the Institute of Social Research, 1923–50. London: Heinemann, 1973. 382 p.
- Jay M.* The virtues of mendacity: on lying in politics. Charlottesville, London: University of Virginia Press, 2010. 241 p.
- LaCapra D.* History and its limits: human, animal, violence. Ithaca: Cornell University Press, 2009. 230 p.
- LaCapra D.* Representing the Holocaust: history, theory, trauma. University Press, 1994. 230 p.
- LaCapra D.* History and memory after Auschwitz. Ithaca, 1998. 214 p.
- Lee T. M. L.* Politics and truth: political theory and the postmodernist challenge. State University of N. Y. Press, 1997. 243 p.
- Probing the limits of representation: Nazism and the "final solution". / Ed. by Saul Friedlander. Harvard University Press, 1992. 416 p.
- Zizek S., Santner E. L., Reinhard K.* The neighbor. Three inquiries of political theology. University Of Chicago Press, 2006. 240 p.

Николаи Федор Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и дисциплин классического цикла Нижегородского государственного педагогического университета; fvnik@list.ru